

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 4

Москва
2003

Содержание

МОРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

<i>А.А.Гусейнов</i>	
Понятие морали	3
<i>Л.В.Максимов</i>	
Этика и мораль: соотношение понятий	14
<i>А.В.Прокофьев</i>	
Справедливость или преодоление человеческой природы? (метанормативный контекст понятия справедливость»)	23

ЭТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

<i>А.Г.Гаджикурбанов</i>	
Идея самопревосхождения в доктрине Плотина	50
<i>А.К.Судаков</i>	
Этика совершенства в нравственной системе И.Канта.....	67

ИСТОРИЯ МОРАЛИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>М.А.Корзо</i>	
Проблемы нравственного реформирования общества в эпоху раннего Нового времени	89
<i>О.П.Зубец</i>	
Профессия в контексте истории ценностей	103
<i>О.В.Артемова</i>	
Генри Сиджвик о высшем благе.....	121
<i>С.Н.Земляной</i>	
Онтология и этика светскости (О жизни света и светской жизни в Европе и России).....	145
<i>П.А.Гаджикурбанова</i>	
Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса.....	161

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТИКИ

<i>В.Н.Назаров</i>	
Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960-1990)	179
Р.Г.Апресяну — 50!	198
Наши авторы.....	204

Профессия в контексте истории ценностей*

Разнообразные формы разделения труда, сопутствующие всей истории человечества, долгое время не имели в общественном и индивидуальном сознании того значения, которое позднее стало соотноситься с понятием профессии. Так античный мир включал мужчин и женщин, свободных и несвободных, людей и богов. В конце VI века Папа Григорий Великий делит очевидно городское население Рима на белое и черное духовенство, монахинь, детей, мирян мужского пола, вдов и замужних женщин. Раннее Средневековье, знавшее в качестве литературных жанров лишь житие и героическую поэму, видит личность, индивидуума лишь как святого или героя (в хрониках — это лишь клирики и воины). Прочие же существуют лишь постольку, поскольку они участвуют в жизни последних и не имеют собственного ценностного содержания, т.е. не являются значимыми ценностными образами и могут быть безболезненно устранены из сюжета, или просто невидимы, незамечаемы, прозрачны для смотрящего. Этот взгляд сквозь — особенность всякого ценностного восприятия, но в аристократизме он приобретает даже форму внешнего жеста, объективированную форму невидящего взгляда или взгляда, видящего лишь значимое. Иными словами, значимость и видимость становятся единым. Кузнец, кующий меч герою, сам есть лишь незначительное порождение героического, вынужденного осуществиться в негероическом мире обыденности. И, пожалуй, этому мечу было бы естественнее возникнуть из ничего, воссиять просто в качестве продолжения владеющей им руки.

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, проект № 02-03-18053а.

В XII веке в Западной Европе происходит ряд изменений, столь существенных, что они объединяются историками в понятие возрождения, но пока еще с маленькой буквы. Эволюция исповеди и покаяния, вдохновляемая Ансельмом, Абельяром, совместно с римским правом, приводит к тому, что предметом рассмотрения становится не столько проступок, т.е. поступок, действие, сколько намерение, а епитимья заменяется раскаянием. Одновременно с индивидуализацией, субъективизацией духовной жизни идет процесс ценностного переосмысления труда, делаются попытки оправдания специализированной деятельности, которая может осознаваться не как вынужденная, не как наказание за грехопадение или просто как нечто случайное по отношению к осознанию своего места в мире, а как главное основание человеческого достоинства и духовной судьбы. В первую очередь, речь идет о профессии как качественности пути к спасению, по словам Жака Ле Гоффа — о спасении не вопреки своей профессии, а с ее помощью. «Время работающих святых сменяется временем святых работников»¹. Возникает первая теология труда, в которой бог становится первым тружеником. Соответственно и заметно меняется социальная структура общества, усложняется его дифференциация, изменяется оно и пространственно: вертикальную иерархию начинает вытеснять горизонтальная. Взгляд человека, ранее обращенный в бездну низа и благодать верха, начинает блуждать в поисках горизонта, очерчивая таким образом границы нового пространства. Эти границы уже не абсолютны, их можно раздвигать простыми человеческими усилиями, а потому они лишены устрашающей и предельной абсолютности и недостижимости прежнего пространства. Новое пространство и время имеют принципиально иное организующее начало — это уже характеристики всемирной мастерской (Герхох Рейхерсбергский), характер которой определяется профессией. Иными словами, подобно тому, как ценностный мир аристократизма обрел для себя замок, как начало, организующее пространство и время, так же и мещанская ценностная система, сосуществовавшая с аристократизмом с древнейших времен, именно в период профессионализации общества воплотилась, материализовалась в адекватном себе пространстве и времени профессии. Если, следуя Ницше, сказать, что в аристократизме перед человеком стоит задача стать тем, кто он уже есть, то в мещанстве — это задача стать тем, кем ты не являешься, вырасти из ничто, обрести форму, облик, социальное лицо путем приобщения к профессии. Путь этого приобщения есть путь служения своему призванию — путь служения, по своей ценностной структуре схожий с монашеским и рыцарским служением. Не случайно есть

много общего между ремесленными цехами и монашескими и рыцарскими орденами, вплоть до запретов на создание семьи. Не случайно и долгое ревнивое неприятие религиозными властями цеховой ремесленной корпоративности. Само слово профессия, во всяком случае в английском языке, означает еще и вероисповедание, и обет, и пострижение в монахи, вступление в религиозный орден. Аристократическое неприятие профессионализма, таким образом, вытекает не просто из неприятия труда и продажи собственных способностей, но и из более общего противостояния ценностям служения, о чем мы вели речь в статье «Об аристократизме»².

Профессионализация общества привела не только к осознанию профессиональной деятельности как средства спасения (ранее труд мог претендовать лишь на средство наказания и искупления), но и к переустройству ценностного мира мещанства, выражающемуся в возвышении прежде периферийных ценностей. Так в эзоповском воспевании ума он понимается лишь как средство выживания, увертывания от опасностей и повседневной хитрости. Ум сказочного простонародного героя это и есть хитрость, нечто лишенное ореола возвышенности. Ум как интеллектуальность, как путь к подлинному идеальному миру был принадлежностью античного мудреца и средневекового схоласта. Впрочем, и тут он вытеснялся верой и политическими талантами, родственными изворотливости. Аристократизм явно не рассматривает ум как личностное достоинство. И не только потому, что всякая изворотливость, в том числе интеллектуальная, есть нечто недостойное. Для аристократического антиинтеллектуализма есть слишком много причин. Об одной из них пишет Ф. Ницше: «Раса таких людей *ressentiment* в конце концов неизбежно окажется *умнее*, нежели какая-либо знатная раса; она и ум-то будет почитать в совершенно иной мере, именно как первостепенное условие существования, тогда как ум у благородных людей слегка отдает тонким привкусом роскоши и рафинированности — как раз здесь он и отступает на задний план, освобождая место для полной уверенности в функционировании бессознательно управляющих инстинктов или даже для известного безрассудства, храбро пускающего во все нелегкие — на опасность ли, на врага ли; или для той мечтательной внезапности гнева, любви, благоговения, благодарности и мести, по которой во все времена узнавались благородные души»³.

Ум тяготеет к содержанию и в этом смысле находится в некотором напряжении с формой и лелеющим ее эстетизмом. Аристократизм есть воплощение формы, как и самой сословности (ведь это единственно подлинное сословие, по Шпенглеру), он основан на гос-

подстве над формой. И в этом смысле он есть культура, если понять ее как высоту оформленности (Шпенглер). Аристократизм воплощается в символической оформленности, которая сохраняет живость, т.к. непрерывно прочитывается и снова называется (обзывается). Строящийся замок или настойчиво выращиваемая и обстригаемая тисовая аллея (которая, впрочем, может быть и вовсе запущенной, а замок — разрушенным) являются символическими воплощениями живого, его оформленностью, они подлинны и реальны лишь как телесность аристократизма, они одухотворены им и воспринимаемы лишь через него. Тогда как произведение архитектора, строителя или садовника полностью отчуждаемо от него, и тем значимее, чем в большей степени приобретает собственное содержание. В этом лежит, возможно, различие между аристократически творимым и создаваемым профессионалом. Профессионал стремится к созданию общезначимого, т.к. именно общезначимость придает ему стоимость. Иными словами, продукт профессионала должен быть доступен для взгляда Другого. Символические формы аристократизма существуют лишь под прочитывающим, придающим им смысл, оживляющим взглядом их собственного творца. В силу этого они неотчуждаемы. Деятельность созидания в последнем случае заключается лишь в назывании или придаче символического смысла, а не в создании самой вещи, или текста, или идеи. В силу этого аристократическим произведением может выступать и просто явление природы: старинный дуб, озеро, скала, а наравне с ними — меч и военные доспехи, слово и жест, псарня, конь и вообще все, что втянуто в ценностный мир аристократизма. Конечно, центром этого мира является замок: в нем смыслы и значения рождаются и им они подтверждаются. Именно поэтому клятву верности необходимо было давать именно в замке, как и оставлять в нем своих сыновей на время их отрочества.

Замковый мир иррационален, а потому то, что можно условно назвать воспитанием, протекает здесь не в рациональных, апеллирующих к разуму формах. Оно чуждо образованию. Это своего рода муштра. «К образованию относятся книги, к муштре — постоянный такт и созвучия окружения, в которое ты вчувствуешься, вживаешься»⁴. Б.Бернстайн, изучающий процессы воспитания и обучения в рабочих, аристократических и среднего класса семьях и анализирующий лингвистические коды этих процессов, отмечает, что аристократический ограниченный код опирается на отношение ребенок-взрослый и на безличность коммуникаций. Семьям же среднего класса более близок разработанный код, основанный на стремлении аргументировать со ссылкой на способность рационального понима-

ния или эмоционального сопереживания. Важное значение имело разделение и комбинирование идей, не используемое в аристократическом воспитании⁵.

Фундаментальные понятия аристократизма — в первую очередь, честь — не предполагают сосредоточенного размышления. Как пишет О.Шпенглер, «честь — вопрос крови, а не рассудка. Здесь не раздумывают: кто раздумывает, уже бесчестен»⁶. Действительно, в основе чести лежит значимость для времени, для истории, для жизни. В них она и коренится, а вовсе не опирается на рассуждение, осмысление, анализ. Поэтому лишь в священнической келье, абстрагирующей от течения времени, находят себе приют образование и разум, но и они ограничиваются и обесцениваются верой и аскезой, в том числе интеллектуальной аскезой.

Познавательная пассивность аристократизма во многом определяется и отсутствием направленности на некий внешний объект. Подобно тому, как замок венчает собой пейзаж, является его организующим и смысловым центром, к которому все стремится, так же и аристократический субъект венчает собой ход исторически-родового времени. От него зависит содержание замкового мира, таким образом, познание могло бы быть для него лишь самопознанием. Но и оно бессмысленно, т.к. не может иметь перед собой никакой внешней цели или задачи.

Сущностный антиинтеллектуализм отражается и в том анекдотическом образе аристократа, который столь распространен в современной Британии. Глупость — его известная черта. Тем не менее она обнаруживается лишь чужеродным, внешним взглядом профессионализированного интеллигента.

В замковом мире ум и образованность такие же принадлежности ремесленности, как и музыка или медицина. Аристократическое сознание ничего не имеет против и собственно личных умений, талантов, навыков. Ему, наоборот, свойственна особая увлеченность каким угодно занятием. Но важно, что ни содержание этого занятия, ни его результаты не являются существенными или фиксируемыми в ценностном сознании. Иначе говоря, и явная чудаковатость, и героика, и невероятный успех в том или ином занятии в ценностном отношении не отличаются друг от друга, не различимы. Если аристократ копается в саду, совершенно не важен успех его деятельности. И это, возможно, главное, что отличает его от профессионального садовника. (Хотя традиционно этим отличием назвали бы получение платы за труд и его вынужденность). Для любого профессионала наиболее существенным, центральным в ценностном отношении явля-

ется успешность его труда, качественность его продукта, значимость результата. Для аристократа значим любой результат, т.к. отсутствует ориентир для его оценки извне. Точнее, этим результатом всегда является он сам во всей полноте его личностного присутствия в истории рода. Он сам и есть собственное послание будущему.

В силу того, что аристократическая деятельность не нацелена на производство, на внешний продукт (он не является ценностью и технологически организующим), то наиболее привлекательными для аристократии в течение многих веков вплоть до индустриального остаются игровые формы деятельности, в которых сам процесс во многом превосходит по значимости результат, а сам результат имеет смысл только в качестве принадлежности его автору. Таков, во всяком случае, аристократический подход, например, не только к охоте, но и к политике и к войне.

Невысокое место интеллектуальных достоинств в аристократической системе ценностей прослеживается даже на примере истории английской паблик-скул, в частности Итона, в которых интеллектуальная сторона занимала гораздо меньшее место, чем нравственная. Честность, верность и храбрость — вот главные культивируемые добродетели, развитию которых способствует не знание, а спортивные игры. В конце XIX века в Итоне не было ни одного специалиста по естественным наукам и ни одного учителя современных языков. Английское общество, до сих пор находящееся под заметным влиянием аристократизма, весьма терпимо к «беспечно-благоразумному невежеству», а демонстрация собственных познаний считается неприличной. Как пишет Д.Ливен, «ценности, которые исповедовались там (в паблик-скул), были противоположны предпринимательским. Характеру отдавалось предпочтение над интеллектом, античности над современной наукой, к тому же в паблик-скул были чрезмерно подвержены стремлению со вкусом проводить досуг в ущерб усердной работе»⁷.

Ценность интеллектуальности, ума становится общественным достоянием лишь в процессе профессионализации и неразрывно связанным с ней развитием городов, воплощавших собой ярмарку профессии. Недаром Гонорий Августодунский утверждал, что невежество превращает человека в изгнанника. Хотя многие его предшественники исходили из того, что именно знание, познание нуждаются в уединении и порождают изгнанничество. Тот же автор пишет, что мудрость есть родина человека, а путь к ней лежит через свободные искусства как через города. Важна как сама по себе эта урбанистическая отсылка, так и то, что среди этих городов он называет не только традиционные свободные искусства, но и физику, механику и хо-

зайство⁸. Именно города, с присущим им усложнением, дифференциацией и удлинением связей между людьми, предполагают рационализацию и психологизацию жизни. Как замечает Н.Элиас⁹, растет ряд действий и число людей, от которых постоянно зависит индивид, и соответственно растет привычка обозревать все более длинные цепочки действий. Кроме того, город порождает дистанцированность по отношению к природе и людям, когда картина мира уже не является результатом непосредственного присутствия в ней субъекта, но претендует на обладание собственными закономерностями и настроениями. Иное мощное основание психологизации и рационализации возникло в сфере придворной жизни, предполагающей противостояние человека не только миру, но и самому себе. Ситуация придворного служения требует не способности управляться с оружием, замком и присвоенными им миром в его пространственно-временной, в первую очередь — временной неограниченности, но способности к суждению, расчету отдаленных последствий, самообладания, регулирования аффектов и знания, особенно знания людей. Положение в мире утрачивает замковую устойчивость, равную устойчивости мироздания, но становится производным от, возможно, наиболее шаткого — от отношений между людьми. Рождаемые городской и придворной жизнью психологизация и рационализация становятся особенно ощутимы лишь к XVI веку. А четыре столетия до того именно профессионализация порождает их как тенденции, не воспринимаемые и отрицаемые аристократическим сознанием. Каждое поместье (аналогично крестьянскому) было своего рода автаркией, в которой отсутствуют или почти отсутствуют промежуточные звенья. Это мир наименее опосредованный, ведь вряд ли можно рассматривать отношение вершины и ствола дерева как опосредование. Подобное отношение воспроизводится не только в связи человека с историей рода, но и в его взгляде на окружающий мир. Этот взгляд не специфицирован — он одинаково обращен на обрабатываемые поля, пасущийся скот, деревья, убегающего от собак оленя, виселицы, отнюдь не пустующие, отправляющего самые простые нужды крестьянина (живопись позволяет нам увидеть этот мир именно таким). Это своеобразный неопределяющий взгляд, взгляд, не опосредованный идеями доброго и злого, приличного и постыдного, красивого и уродливого. Единственно, чем он может быть наполнен — это идея справедливости сущего, в котором есть олени и охотники, необъятные просторы и повсеместная грязь. Эта справедливость воплощена в самом взгляде смотрящего на этот мир владельца замка. Идея профессии так же чужда ему, как очевидна невозможность представить

профессионального вождя, короля или божество. Никакие знания или умения не способны сделать человека таковым, в них нет необходимости и в качестве оправдания или простого описания подобного пребывания в мире. Нельзя даже сказать, что произведения человека в этом случае менее важны, чем он сам. Они просто не существуют как произведения, т.к. в ценностном смысле неотчуждаемы от него, являются лишь частью его самого и вне этой связи — случайны, небытийственны. Тенденция же профессионализации определяет все большее значение произведения — оно постепенно становится главным не только в оценке автора, своего творца, но придает ему статус подлинности, определяет его соответствие профессиональному званию. Иными словами, человек, стремящийся из ничего стать собой через профессию, заполняет пустоту лишь своими произведениями, все меньше места оставляя для себя самого.

Благородство предполагало невозможность принуждения. Лишь добровольное вхождение в семью путем ритуально-символических жестов открывало ворота замковой жизни. И хотя воинские достоинства рассматривались как весьма значимые, но и они не являлись определяющими или структурирующими, тем более, что именно в мирные периоды центробежные силы неизбежно брали верх, и господство родового времени над социальным пространством становилось очевидным. Для замковой аристократии не военные достижения, а возвышенное положение, материализованное не просто в возвышенности замка, но более того — в возвышенности и неприступности башни, является подлинно ценностно организующим началом. В сущности вообще никакая деятельность, род деятельности не являются для аристократизма ценностно существенными, т.к. любая деятельность вовлекается и подчиняется духу праздности и обретает свой смысл лишь во включенности в родовую историю, независимой от конкретной содержательности и производительности этой деятельности.

Процесс профессионализации, придававший мещанскому это-су характер завершенности и оформленности, не мог не коснуться развития форм самопринуждения и ценностного самоопределения. Его результаты были невероятно значимы для человеческой истории хотя бы в силу того, что динамика ее, в частности, заключалась в последовательной замене аристократически-рыцарского высшего слоя на придворных, а затем — профессионально работающих буржуа. Другое дело, что ценностная история не заключалась в замене одних систем на другие, а в их непрерывном сочетании, взаимодействии, взаимоотрицании, проникающих из сферы общественного духа в область индивидуальной души.

Историческое рождение профессии сопровождалось и само вело к разделению интимной, сокровенной сферы и сферы публичной. Подобное деление практически отсутствует в замковой жизни, любая интимность (что позднее осознано в качестве интимности) осуществлялась публично, а публичное было эпизодом семейной интимности. Если весь мир есть Я, то весь он — во мне, он — всего лишь моя телесность, а я — его одушевление. А так как человек не стыдится собственной телесности и собственной души вне опосредования взглядом Другого, то при отсутствии ценностно значимого этого Другого не существует стыда и связанного с ним самопринуждения. Не стыдиться — «так может делать великий господин перед своей челядью или в присутствии друзей более низкого положения; ибо тем самым он выказывает не столько свою учтивость, сколько особую к ним любовь и дружбу»¹⁰. Включение человека в круг значимого равно включению его в круг интимного (которое по сути тождественно публичному). Но исключение из круга значимого также внешне проявляется как полная открытость интимного. Приобщение человека к профессии означает отделение той части его деятельности, которая изначально и необходимо предполагает наличие Другого, и не одного, а многих других, для которых эта деятельность осуществляется и от которых она зависит. Таким образом, профессионализация невозможна без выделения сферы публичности. Соответственно растет разделение на публично допустимое и недопустимое, тайное и явное. Кроме того, если в аристократизме (да и в рыцарстве, по Н.Элиасу) отсутствует самоидентификация с другими людьми, то профессиональное разделение лично-интимного и публичного сопровождается необходимостью соотнести себя с другими через некоторое опосредование. Роль последнего выполняет понятие общего блага. Это уже не некая абсолютная идея, локализованная вне неподлинного мира вещей. Место этого общего блага — на рыночной городской площади: там усилия многочисленных квалифицированных специалистов оцениваются, обретают значимость, подлинность. Там профессия находит свое оправдание. Там она преодолевает свою ценностную ограниченность. Забота о всеобщем благе понимается как удовлетворение простых житейских нужд в одежде (ремесленники), в привозимых продуктах (купцы) и т.д. Как утверждает Ле Гофф, общее благо становится пробным камнем полезности и законности любой профессии. Но сам работник судится уже по отношению к своей профессии. Она есть его путь к спасению и его призвание. А потому она и определяет греховность человека. Если раньше грешники классифицировались в зависимости от смертных грехов, то теперь появля-

ются профессиональные категории грешников: различаются грехи клириков, университетских преподавателей и студентов, судей, крестьян, купцов, чиновников. Причем предписывается князьям спрашивать о справедливости, рыцарей — о грабеже и т.д. Резко сужается круг категорически осуждаемых профессий. До XIII века любая оплачиваемая должность считалась позором, презренной была любая форма наемничества. В этом смысле аристократический взгляд доминировал, а он исключал деньги из области достойного. Дарение — вот форма, соответствующая аристократическому отношению человека и мира. Оно лишено обязательности, не предполагает количественно выраженной благодарности. Дарение есть лишь проявление возвышенности, иная сторона ее, своего рода избыток сил, щедрость, лишенная внешних ограничений и опосредований. (Реалистично мыслящий историк увидит в нем закрепление отношений вассалитета, но в результате дарений многие вассалы становились владельцами башен, что рождало и напряжение всей системы). Дар имеет ценность не сам по себе, в некоей абстрактной системе материальных ценностей. Его ценность — лишь в его символичности. Дарение не предполагает никакого ответа (верность не может быть платой или благодарностью). В нем полнота бытия проявляет себя подобно лучу света, исчезающему в темноте.

Но и вне аристократического этоса, в сфере, основанной на обмене, отношения строились на основе услуг. В XII веке оплата профессиональной деятельности становится предметом дискуссии. В частности, обсуждается вопрос, можно ли продавать знание, если оно есть дар Божий. В итоге наставникам разрешается (в руководствах для исповедников) получать деньги от школяров. Даром Божиим является и время — начинаются поиски оправдания ростовщичества, прежде презируемого христианами. В итоге появляется идея, что законны награждение и прибыль, получаемые за труд, а последний осмысливается как ценность и исходное условие (хотя ценность физического труда еще долго ставится под сомнение). Таким образом, обоснование ценности труда было вторичным, служебным по отношению к задаче обоснования профессионализации.

В основе профессионализации общества, если рассматривать ее с точки зрения истории ценностного сознания, фундаментальнейшим было изменение соотношения между действием, занятием, деятельностью и их субъектом, деятельным человеком. В аристократизме смысл деятельности символичен, задается субъектом, определяется им, а потому одно и то же внешнее действие оценивается по-разному в зависимости от того, кто его совершил, а успешность действия оп-

ределяется не некоторыми внешними общезначимыми и утилитарными критериями, а внутренними задачами человека, его ориентацией на необходимость соответствовать самому себе, родовой чести и доблести. Логика самой деятельности определяется человеком, она — лишь знаковое средство выражения. В сущности, деятельность вообще не отделима от деятеля. Известны примеры доблестных воинов-аристократов, безрассудно бросавшихся в бой и полностью игнорировавших реальность конкретной битвы. Для них невозможен рациональный анализ ситуации, разработка хитрой тактики. Складывается впечатление, что и само сражение лишь одна из форм проявления, осуществления их личности, и никакого другого смысла в нем нет, нет иной задачи, кроме личностной. Театрализованность и эстетизированность замковой жизни предполагает, что все действие жизненной пьесы служит лишь полем проявления героя, а победа или гибель неразличимы с точки зрения прославления доблести и чести, подобно тому, как и многочисленные семейные кровавые драмы средневековья лишь обогащают сюжет и значимость родовой истории.

В профессии, как организующем ядре мещанского этоса, совершенно иначе складывается отношение между человеком и его деятельностью, которые отторгаются друг от друга, становятся друг для друга объектом выбора. У них есть собственные специфические задачи, логика, результаты, и соответственно — ценности. Между ними нет жесткой связи. Но если ценностное качество и содержательность в аристократизме определяются человеком, то в этом отношении именно профессия является доминирующим источником ценности, личностной качественности. Она определяет образ жизни, мышление, веру, одежду и речь. Выбор профессии оказывается выбором себя самого. Впоследствии социологи определяют профессию как средство социальной идентификации и универсальный социальный институт, но и изначально в ходе профессионализации общества она осознается как нечто, более значимое, чем индивид, как призвание и спасение его, вне которого его ждет гибель. Человек теперь должен быть предан не себе, а через себя — не роду, но профессии. Она задает ритм его жизни, рождает особое, профессиональное время, противостоящее природному. Для успешного хода торговли становится необходимым линейное и предсказуемое время, исчисляемое время. Жители города Артуа строят башню, колокола которой отбивают часы торговли и работы суконщиков. Появляется время прихода на работу и ухода. Время религиозных богослужений заменяется временем башенных часов. Время становится сопоставимым с пространством. Как пишет Ле Гофф, купец открывает для себя цену времени вместе с ос-

воением пространства, для него основная продолжительность — продолжительность пути¹¹. Религиозное время не исчезает, но наряду с ним все большее значение приобретает время профессиональной деятельности. Профессия определяет и пространство как путь — в образе торгового пути или пути профессионального роста. Рыцарское служение-странствие и монашеское служение — духовный путь объединяются в профессиональном служении — пути. Человек-сословие первоначально соседствует, а затем вытесняется человеком-профессией. И на вопрос «Кто ты?», «What are you?» в качестве собственного определения называется профессия. В оценке личности возникает второй слой — оценка профессиональных достоинств, одним из крайних проявлений подобного усложнения становится столкновение гениальности и злодейства. В то же время профессионализация рождает свою систему ценностей, диктуемых не только характером деятельности, но и противостоянием символической форме жизни, устремленностью к оправданию разумом и пользой. Как пишет О.Шпенглер, «великие сословия ...представляют собой и нечто совершенно отличное от *профессиональных групп*, к примеру ремесленников, чиновников, художников, собираемых в цеха и удерживаемых в них технической традицией и духом их труда. Именно они являются *символами во плоти и крови*, все в целом бытие которых обладает по своему образу, поведению и способу мышления символическим значением»¹². Знать и духовенство являются выражением всецело личностной культуры, а остальные сословия исключаются как остаток (Шпенглер). В этом остатке обретается все, что создается и собственностью, и властью, и профессией и что лишено метафизичности, наполнено практическим значением. Ценностная задача, стоящая перед профессионализацией заключается в выведении себя из остатка. Основой такого выделения могла стать, в первую очередь, религия, отношения которой с аристократизмом были весьма натянутые. В первую очередь, аристократизму была чужда рациональная религиозная этика. В то же время раннее христианство, как показывает Макс Вебер, с самого начала было специфической религией ремесленников. Именно городской ремесленник отрывается от природы и кровнородственных связей, именно он склонен к рационализму. Его профессия задает ему такие требования, как хорошо выполненная работа и верность профессиональному долгу, которые должны вознаграждаться не только экономически. Так зарождается «этически рациональная этика справедливого воздаяния» (М.Вебер). Человек должен получить воздаяние — не только за продукт труда, но и за сам труд, за свой человеческий вклад в него и за личную, личностную ас-

кезу. Это аскеза остаточного человека, аскеза все разграничивающего и ограничивающего разума. Профессиональное занятие в античности было по большей части делом рабов, стремившихся выкупить себя на свободу. Соответственно этой мечте Христос выкупает своей кровью христиан, освобождает их от рабства закону и греху. Через столетия эта идея обретения свободы обрела вид мирской аскезы и дисциплинированного стремления к спасению в рамках профессии, угодной Богу. Произведениями своего труда человек выкупает себя, полностью отчуждая себя в них. Поэтому подлинностью обладают эти произведения, а он сам все равно разделяет участь остатка. Осуждается любая его попытка успокоенности и довольства, или наслаждения богатством. Профессия структурирует время таким образом, что бесполезная трата его становится грехом. Собственно не заполненное трудом время перестает быть временем, это своего рода провал бытия. Если профессиональная деятельность не предполагает созерцания, то греховна и она. Таким образом, остаточность по отношению к аристократизму и священничеству, выделяемая Шпенглером, переходит в остаточность по отношению к собственной профессии и ее продуктам. Что есть Я помимо моей профессии? Греховное ничто.

М. Вебер прослеживает историю теологического осмысления профессионализации общества, начиная с Фомы Аквинского, для которого деление общества по профессиям есть следствие божественного плана мирового устройства, а человек попадает в этот космос случайно. Для Лютера попадание в свое профессиональное кресло, мастерскую, является прямой эманацией божественной воли, поэтому пребывание на этом месте и соответствующая деятельность есть религиозный долг, впрочем не сильно окрашенный эмоционально в силу общей индифферентности к мирской жизни. Вершины в этом интеллектуальном движении достигает пуританское учение, по которому люди делятся на профессии в соответствии с провиденциальной целью. О последней они узнают по плодам профессиональной деятельности. Значимым, если не знаковым, является высказывание Бакстера, цитируемое Вебером: «Вне определенной профессии всякая дополнительная деятельность не что иное, как случайная работа; ... Он (работник определенной профессии) занят упорядоченной деятельностью, в отличие от тех, кто пребывает в вечном замешательстве, совершая свои действия вне постоянного места и времени... поэтому определенная профессия является наивысшим благом для каждого человека»¹³. Профессия решает все основные задачи мещанского ценностного сознания: преодоления случайности своего пребывания в мире, обретения основы систематически-методического характера

жизни, помещая себя в постоянное время и пространство, задаваемые извне. Речь идет о такой упорядоченности, которая может являться источником собственной значимости. Просто труд не решает этой задачи. Он для этого должен быть, во-первых, в должной степени дифференцирован — т.к. в нем должна содержаться качественная определенность, источник различия себя среди других, некая особость, которой, конечно, нет в труде, например, крестьянина. Во-вторых, он должен осуществляться особой социальной группой — что подчеркивает социальное лицо индивида. Эта группа должна использовать специфизированную деятельность в качестве источника средств существования, иначе она будет занимать подчиненное место по отношению к иному роду занятий. Эта деятельность, будучи средством, в то же время выступает и в качестве цели — т.к. движение к ней равнозначно движению человека к самому себе. Соответственно не труд как таковой, а рациональная деятельность в рамках профессии угодна Богу (М.Вебер). Всякая иррациональность открыто осуждается, и в этом проявляется разрыв с эстетизированностью и иррациональностью средневековья. Символ и форма отвергаются, на первый план продвигается рационализированное содержание, испытывающее трудности в обретении адекватной формы. Слово и его значение, поступок и его ценность, действие и действующий перестают быть единым целым. Слово, являющееся в аристократизме силой, структурирующей бытие через называние его, становится чем-то пугающим и неопределенным. Возникает страх перед называнием (присущий, по Р.Барту, буржуа). Все это оказалось благотворным для формирования того явления, которое называется современной моралью. В результате формы жизни утратили то абсолютное значение, которое имел аристократический поступок как жест, как слитность действия и действующего. Теперь, в обретаем социальный статус мещанском сознании, отношение к вещи или действию — т.е. форме — вариативно, и в этом смысле случайно. Если богатство, воспринимаемое как самоцель, есть вершина порочности, то оно же в качестве результата профессиональной деятельности — Божье благословение. Но само оно существует вне индивида, поэтому может быть причиной мучений совести, а может — и основой чистой совести, лежащей в основе буржуазного профессионального этоса. Совесть, таким образом, локализуется в некоем ценностном пространстве, по отношению к которому индивид сохраняет относительную автономию. Аристократическая совесть вообще не персонифицирована — это просто родовая память, ночной стон привидения, преисполненный сколь страданием, столь и гордостью — как за ужасы, так и за

героики истории рода. В этом смысле такая условно называемая совесть есть лишь эстетизированное наслаждение тем, что ничто, никакое деяние не пропадает, все остается в замке и ничто не является случайным. Владелец башни относится к себе, как к призванному, профессионализация предлагает человеку отнестись как к призванию к своей работе — единственному средству увериться в своем избранничестве. Но призванность и избранность, опосредованная чем-то третьим, с неизбежностью ведет к ограничению себя этим третьим. Профессионализация поэтому требует отречения ради дела, отказа от фаустовской многосторонности, сужения человеческого долга до долга профессионального, т.е. она требует аскезы.

Осмысление профессии в качестве основы и духовной и практической жизни шло с самого начала в виде построения развитых рациональных религиозно-идеологических идей и учений. Аристократизм и в силу своего антиинтеллектуализма и иррационализма, напряженных отношений с религией, а также в связи с иным типом духовно-практического наследования ценностей и образа жизни не породил никаких развитых практических учений. Несмотря на это, он сохранил себя в качестве трудно рационализируемого, почти не определимого вербально, но тем не менее значимого идеала.

Профессионализация общества как явление истории ценностного сознания первоначально отражала качественность разнообразных видов деятельности. Дифференциация труда осознавалась и в виде большей или меньшей достойности того или иного рода занятий. На средневековом Западе профессии делились на благородные и подлые, честные и бесчестные. Как замечает Ле Гофф, если бы мы попытались составить список запрещенных или просто бесчестных и подлых занятий, то нам пришлось бы перечислить почти все средневековые профессии. Основой для осуждения служили древние табу — на кровь (мясники, палачи, хирурги и цирюльники, солдаты), на нечистоту и грязь (сукновалы, красильщики, повара), табу на деньги (купцы, ростовщики и вообще все наемники — и адвокаты, и проститутки). Христианство добавило длинный список осуждаемого, т.к. многие занятия неизбежно вводили в какой-либо из смертных грехов. Но в ходе профессионализации общества, требующей ценностного переосмысления отдельных профессий и профессиональности как таковой. Этот список стал быстро сокращаться, появились многочисленные оговорки, касающиеся мотивов, личностей, времени и места. Реабилитация труда вообще (в последнюю очередь — физического) и забота об общем благе стали значительными аргументами при оправдании многих профессий, что позволило все менее учитывать в

ценностном сознании качественную специфику тех или иных видов деятельности. Это способствовало возникновению общей идеологии профессии, преодолевающей цеховые различия.

В аристократизме принципиальное неприятие профессионализма дополнялось традиционным табуированием ряда занятий (даже если они и не являются профессией). В первую очередь это запрет на торговлю, на операции с деньгами, на любую продажность. Интересен в этом отношении факт, приводимый Д.Ливеном, как свободомыслящая графиня Уорвик еще в конце XIX века полагала, что армейских и морских офицеров, дипломатов и священнослужителей можно приглашать ко второму завтраку или обеду, докторов и адвокатов можно приглашать лишь на приемы в саду, но ни в коем случае — не на ланч или обед, но всякого, кто связан с искусствами, сценой, торговлей или коммерцией, вне зависимости от достигнутых на этих поприщах успехов, не следует вообще приглашать в дом¹⁴. Тот же Д.Ливен отмечает, что когда аристократы в том же веке поступали офицерами в престижные полки, то редко относились к военной службе как к профессиональной деятельности. У них не было стимула совершенствоваться в военном искусстве или делать карьеру, их расходы часто превышали жалование, а вся атмосфера напоминала клубную. Интересно, что в некоторых областях человеческой деятельности подобная атмосфера являлась важным культурным фактором развития, в том числе профессионального. В частности — при формировании научных сообществ.

Табуирование профессиональности в целом, как уже было сказано, определяется в первую очередь тем, что в ценностном мире аристократизма деятельность определяется личностью и неотличима от последней, тогда как в профессии деятельность определяет человека и предзадана ему извне. В свете этого, особого размышления заслуживает табуирование отдельного вида деятельности — торговой, не рассматриваемой в качестве профессиональной, отвергаемой не в общем ряду профессий. Ведь если деятельность ценностно вторична по отношению к личности, то она не может иметь ограничений по своему «техническому» содержанию. Историкам причина этого «предпочтения», в первую очередь, видится в естественном табуировании всего, что противостоит натуральному хозяйству, разрушает его. Но к этому можно было бы добавить, что торговля отменяется аристократическим сознанием вообще не в качестве деятельности, а в качестве принципа жизнеустройства, в качестве области, еще вне и до всякой профессионализации рождавшей неприемлемую для аристократизма систему ценностей обмена. Это ценности множественности ми-

ров, их уравниности и перетекаемости друг в друга — нечто, невозможное и разрушительное для замка — его мироорганизующей стены и ценностно-структурирующей мир башни. Место торговли — плоскость: рыночная площадь, караван в пустыне, корабль в море. Ей не нужны препятствия. Наибольшее ценностное напряжение рождается тут в акте обмена. Нет, это не символический обмен жестами, поцелуями, мечами. Смысл его определяется не только не индивидом, но вообще ничем, кроме самой приравненности, бескачественности, взаимозаменяемости вещей. В даре вещь обретает смысл лишь от самого прикосновения дарящей руки, от количественно невыразимой щедрости дарящего. В этом смысле эта вещь также бескачественна, но она бескачественна, как и весь мир, обретающий цвет лишь в качестве мира, принадлежащего замку. В дарении вещь обретает жизнь, в обмене, в продаже — она омертвляется, в дарении человек есть сущность, в обмене — безымянная случайность. Ремесленник поэтому более качественен и индивидуален, чем торговец. Аристократическое неприятие торговли находит множество воплощений, вплоть до юридических, но наиболее парадоксальное — образ Скупого рыцаря, который саму суть торговли, подобно сердцу, вырывает из нее, прячет в сундуках в подвале замка и со всей аристократической страстностью и иррациональностью оживотворяет ее своей собственной жизнью.

Полифоничность истории (Н.Элиас) заставляла встретиться на узкой средневековой дороге торговца и рыцаря, не включенного в цепочки денежного обмена, а знающего лишь меч как помощника в добыче пропитания, переносила замковую башню в район городской площади, так что рынок и замок, взаимоограничивая и дополняя друг друга, создавали европейский городской пейзаж. История ценностного сознания также двигалась по пути развития его полифоничности, сочетания в индивидуальном и общественном сознании ценностей, принадлежащих не просто разным, но закрытым друг для друга мирам. Порождаемые этим напряженность, неопределенность и трагичность, саморазорванность человека сочетаются с оптимистической всегда возможностью выйти за пределы себя самого, заглянуть за кулисы привычного мира. Так по мере того, как профессия становится необходимым и главным способом социализации, доминирующая в ней по отношению к человеку деятельность становится все более бескачественной, что опустошает ценностный мир профессиональности. Потребность в преодолении этой пустоты, с одной стороны, ведет к завоеванию профессией всего личного времени, когда открыто провозглашается идеал профессии как хобби, запол-

няющей весь мир, все время и все пространство человека. С другой стороны, профессии отводится узкое поле жизнедеятельности, выступающее в качестве обесцененного средства для подлинной жизни вне работы. Аристократизм, чуждый обеим этим тенденциям, тем не менее сохраняет возможность — чистую возможность — разрыва, обретения отстраненности и взгляда свысока, с высоты своей башни на все, даже самые значительные, но профессиональные достижения.

Примечания

- ¹ *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. 2-е изд., испр. Екатеринбург, 2002. С. 102.
- ² См.: *Зубец О.П.* Об аристократизме // *Этическая мысль.* Вып. 2. М., 2001. С. 151–168.
- ³ *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 426.
- ⁴ *Шпенглер О.* Очерки морфологии мировой истории // *Шпенглер О.* Закат Европы. В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 344.
- ⁵ См.: *Bernstein B.* Linguistic Codes, Hesitation Phenomena and Intelligence // *Linguae & Speech.* 1962. Vol. 5. № 1. P. 31–46.
- ⁶ *Шпенглер О.* Указ. соч. С. 358.
- ⁷ *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 302.
- ⁸ См.: *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С. 103–104.
- ⁹ См.: *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. М., СПб., 2001.
- ¹⁰ *Элиас Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 208.
- ¹¹ *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 43.
- ¹² *Шпенглер О.* Указ. соч. С. 347.
- ¹³ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 189.
- ¹⁴ См.: *Ливен Д.* Указ. соч. С. 169.